

разослал письма ко всему баронству нашей страны. Собралось к нему множество народу, ибо среди баронов общее было мнение, что при короле Артуре нет жизни, но лишь войны и усобицы, а при сэре Мордредe – веселие и благодать. Так был ими король Артур подвергнут хуле и поруганию, а между ними были многие, кого король Артур возвысил из ничтожества и наделил землями, но ни у кого не нашлось для него доброго слова.

О вы, мужи Англии! Разве не видите все вы, какое творилось злодейство? Ведь то был величайший из королей и благороднейший рыцарь в мире, всего более любивший общество благородных рыцарей и всем им слава и опора, но даже и им не остались довольны англичане. Вот таков был прежде обычай и нрав в нашей стране, и люди говорят, что мы и по сей день не отстали от этого обычая. Увы! это у нас, англичан, большой порок, что долго нам ничто не мило.

Так было с людьми и в тот раз: им более по нраву стал теперь сэр Мордред, а не благородный король Артур, и много народу стеклось к сэру Мордреду, и они объявили ему, что будут стоять за него и в беде и в удаче. И вот с большим войском сэр Мордред подошел к Дувру, ибо там, он слышал, должен был высадиться король Артур, и потому он задумал силой не допустить родного отца на родную землю. И почти вся Англия была на стороне сэра Мордредa, ибо люди так падки до перемен.

2

И вот, когда сэр Мордред со своим войском был уже в Дувре, прибыл туда король Артур с большим флотом кораблей, галеонов и карак, но сэр Мордред уже наготове поджидал его на берегу, дабы воспрепятствовать родному отцу высадиться на земле, над которой тот был королем.

Стали спускать на воду суда большие и малые, полные славных воинов; и немало благородных рыцарей тут было побито и немало высокомерных баронов повержено в ничтожество с обеих сторон.

Но король Артур был так храбр, что никто из рыцарей не смог помешать ему высадиться на берег, и его рыцари бесстрашно пробивались вслед за ним. Так высадились они вопреки сэру Мордреду со всем его могуществом и обратили в бегство его и его войско.

А когда окончился бой, король Артур повелел разыскать всех своих рыцарей, кто был ранен или убит. И был найден сэр Гавейн лежащим замертво на дне большой лодки. Когда услышал король Артур про такую беду, он пошел к нему и нашел его при смерти. Горько заплакал король, убивался жестоко, он заключил сэра Гавейна в свои объятия и трижды лишился чувств. А когда пришел в себя, то сказал так:

– Увы! сэр Гавейн, сын сестры моей, вот лежишь ты, кого я всех более на свете любил! Не видать мне больше радости! Ибо теперь, племянник мой сэр Гавейн, я открою тебе, что в тебе и в сэре Ланселоте была вся моя радость, на вас – все мое доверие. И теперь я лишился вас обоих, и потому не видать мне уж больше радости на этом свете!

– Ах, мой дядя, – сказал сэр Гавейн, – знайте же, что наступил мой смертный срок. И все это через собственную мою нетерпимость и ненависть, ибо моею ненавистью я навлек на себя же гибель; ведь нынче я принял удар по старой моей ране, которую нанес мне сэр Ланселот, и чувствую я, что к полудню должен буду умереть. Это из-за меня, из-за моей гордыни, терпите вы такой позор и урон, ведь будь благородный рыцарь сэр Ланселот сейчас с вами, как бывал он прежде и был бы и в этот раз, эта злосчастная война никогда бы не началась; ибо он рыцарским своим благородством вместе с рыцарями его благородной крови всех ваших злобных врагов держал в страхе и повиновении. И вот теперь, – молвил сэр Гавейн, – вы пожалеете, что нет с вами сэра Ланселота. Увы! зачем я не примирился с ним! И потому прошу, любезный дядя, пусть мне дадут бумагу, перо и чернила, дабы я мог написать письмо сэру Ланселоту, начертанное моею собственной рукой.

И вот, когда принесли бумагу, перо и чернила, сэр Гавейн едва приподнялся на ложе с помощью короля Артура, ибо незадолго перед этим он уже покаялся в своих грехах и приготовился к смерти. И взял он в руку перо и, как сказано во Французской Книге, написал так:

"Тебе, сэр, Ланселот, цвет благородного рыцарства, лучший из всех, кого только видел я и о ком слышал за всю мою жизнь, я, сэр Гавейн, сын короля Лота Оркнейского и сын сестры благородного короля Артура, шлю приветствие и оповещаю тебя о том, что десятого дня мая месяца мне был нанесен удар по старой ране, полученной мною от тебя под стенами города Бенвика, и